

Ирина Лещенко

**Инструкция
по ловле ведьм**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Л54

Лещенко И.

Л54 Инструкция по ловле ведьм / Ирина Лещенко. – М.: Литнет, 2026. – 200 с.

ISBN 978-5-521-94107-0

...если ты юн, принципиален и творишь добрые дела именем Господа – никогда не приближайся к ведьмам. Даже к неопытным. Даже по делу. Вообще их стороной обходи...

На суд меня тащить? Ха! Всего один двухметровый мальчик – против нас со Свинюхом? Позор... ведьма я или кто?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94107-0

© Литнет, 2026

© Лещенко И., 2026

Глава 1

Мягкая трава щекотала кожу. Я валялась посреди поля, увлеченно догрызая травинку, и щурилась от яркого летнего солнца.

Пока мое лицо не накрыла тень.

Я скосила глаза. Лица против солнца не рассмотреть, только угловатая, худощавая и явно неполовозрелая фигурка давали какую-то почву для размышлений.

Недолго же они прождали, и полчаса не прошло. Видать, припекло.

– Ну? – я выплонула измочаленную травинку и с удовольствием потянулась, приподнимаясь на локтях.

Худенькая конопатая девчонка скомкала в руках край замусоленного передника и посмотрела на меня с ужасом, судорожно сглазывая. Кажется, ей проще было в лес к медведям, чем подойти поближе ко мне.

Я села, подобрав под себя ноги, и воззрилась на нее в ожидании.

Не далее чем полчаса назад я старательно прогулялась возле ворот, демонстрируя всем желающим серый плащ, черные, отливающие синевой пряди и яркие фиолетовые глаза.

Гоготала и возмущенно кудахтала живность, спешно загоняемая в сарай; верещали утаскиваемые с улиц дети; с грохотом захлопывались ставни. Финальным аккордом взвыл пес, которому в кутерьме что-то отдавили.

Благодарь.

Я прошлась еще разочек туда-сюда и отошла метров на сто.

Кушать-то хочется регулярно, а у всяких селян очень кстати всякие беды приключаются, с которыми я совершенно случайно могу помочь.

Одна из вышеназванных селянок лет четырнадцати от роду выпучила от усердия голубые глаза, выпустила измятую ткань и выпалила:

- Сударыня ведьма, голова об вас интересовался, очень вас просил!
- Голова, значит, – я зевнула, не скрывая отсутствия интереса. –

А что у головы вашей приключилось?

Девчонка вся сжалась:

- Знать не знаю, сударыня ведьма. Пойдемте, а?..

– Ну пошли, – я поднялась на ноги, с сомнением оглядела перепачканные землей и травяным соком пальцы, вытерла их о плащ, сунула в рот и заливисто засвистела. Девчонка шарахнулась в сторону, испуганно прикрывая голову руками. Видимо, несладко ей жилось.

Неподалеку захрустели ветви, но никто не появился.

- Шевелись! – рявкнула я.

Густая трава пошла волнами, и на вытоптанный мной пяточок вывалился огромный боров в черных подпалинах. Замер на месте, возмущенно взвизгнул и недобро покосился на девчонку.

– Ой, какой жирненький! – восхитилась конопатая, разом отмирая. – На убой кормите?..

Свинюх возмущенно захрюкал. Я подобрала сумки, взвалила их на щетинистую спину и закрепила ремнями.

- Нет, до ездового ращу. Зачем самой вещи таскать?

Свин передернулся всем телом. Я хлопнула его по толстому крупу, получив еще порцию свинячьего недовольства, и вполголоса пообещала:

- Будешь выделяваться, к зиме заколю.

Обдав меня волной презрения, свин бодро затрусил к деревне. Мои пожитки сползали по направо, то налево, но ремни держались крепко. Надо бы при случае новые купить – недавно вредное животное повадилось спину о стволы чесать, как ты не порвал.

В деревне было пустынно.

Меж домов словно призрак прошел – ни шороха, ни скрипа. В подполах они там позакрывались все, что ли?..

– Проповедник у вас хороший, наверное. – Я оглядела добротные избы. Над каждой дверью висел знак Трехголового – три спянные боками медные монетки.

– Отож! – охотно согласилась девчонка. Наличие у меня свиньи как-то примирило ее с соседством злокозненной ведьмы. – Отец Епат такие проповеди читает, что потом ужасы снятся неделю!

Как бы не попасться мне на глаза этому устрашающему служителю господню. Впрочем, меня бы вряд ли позвали на помощь, будь он здесь.

– Уехал куда? – я подпнула Свинюха, остановившегося возле корыта.

– Так в город, – простодушно выложила девчонка и ойкнула, закрыла рот ладошкой с криво обломанными ногтями.

Я вздохнула. Предрассудки – штука живучая, особенно касательно дел магических. Но почему до сих пор считается, что без проповедника ведьма заворочит всю деревню, устроит танцы с прелюбодеяниями до первых петухов, а после первого луча солнца все души участников отправит прямиком в геенну огненную? Я много деревень повидала, но при виде местных мужиков ни на какие прелюбодеяния не тянуло. Может, это и не предрассудки, а фантазии?

Вот клянусь, ни одна ведьма такого еще не проделывала! Заворочить, чтобы ей отдали деньги и еду, – ладно, но души-то нам зачем? За них не доплачивают...

Тем временем девчонка привела меня не то что к избе, а к целой домине. Массивную дверь охранял серебряный подробный знак Трехголового с отчеканенными лицами, а высокую крышу украсили затейливыми коваными ветряками. Оглянувшись на меня, она дробно заколотила в дверь и, заслышав тяжелые шаги, юркнула куда-то в сторону.

Дверь распахнулась, являя деревенского голову во всей красе. Я оглядела все обильно потеющее великолепие и тяжело вздохнула.

Голова был любитель всего и сразу. Колышущееся под тонкой тканью рубахи пузо, словно в нем, как в море, накатывали то приливы, то отливы; багряный нос с синеватыми венами; крошечные, почти погребенные плотью бледно-голубые глазенки с масляным прищуром.

Ох, чую, меня с целительницей перепутали.

– От похмелья не лечу, вес сбросить не помогаю, – сразу предупредила я. Свинюх согласно позвенел склянками в сумках.

– Чего сбросить? – искренне удивился мужик и поскреб подбородок в кудлатых пегих зарослях. – Ничего не надо сбросить. Ты этого своего вон привяжи, а то еще пионы потопчет...

Я сняла пропыленные сумки со спины свина.

– Он не будет ничего топтать. – И, сделав страшные глаза, попилила ребром ладони по горлу. Свинюх презрительно хрюкнул, но покорно завалился в тени забора.

Я прошла вслед за головой в дом. В сенях он замялся, складки на боках отчетливо заколыхались. Я возвела глаза к потолку.

– В комнаты жилые нельзя, заморожу стены, будут кошмары каждую ночь являться, дети перемрут, бабы полысеют, мужики силу потеряют, – по памяти забормотала я. – На кухню нельзя, потравлю, и молоко потом всю жизнь скисать будет... вроде ничего не забыла. Тащи лавку сюда, про сени еще никто ничего не придумал.

Голова посмотрел на меня с мутным одобрением и скрылся в комнате.

Удобно расположившись на широкой лавке, я содрала осточертевший плащ и ожесточенно поскребла пропотевшую шею. Вот нет бы шляпы нам или там знак какой! Паришься в этом плаще, как гусь в мешке...

– Дело такое, – кашлянув, начал мужик. Себе он притащил обитое войлоком кресло размером с небольшой сарай. – У нас тут, вишь, проповедник уехавши... а пока его нету, нечисть распоясалась, спасу нет!

– Нечисть? – я подозрительно прищурилась. Голова воодушевился.

– А то! Белье вон в озере монстр подводный утащил, бабы теперь туда не идут, а до дальнего полчася пешком, уже чистых простыней не осталось! Ветреницы ураган с песком пустили вчера, чуть не задохлись все... С дальнего краю мертвяк бродил о прошлую

пятницу, тетка моя в окно его увидела да хворает теперь, встать не может, все мерещится ей, что в окно царапается!

– Ясно, – пожала я плечами. – А звали-то меня зачем?..

– А! – Взгляд головы прояснился. – Так ведь живот у меня, видишь? Ни сесть, ни нагнуться... может, можно убрать его как, а?

Я со свистом выдохнула.

– Пять серебром.

– Три.

– Шесть.

– Сударыня ведьма! Три, и ни медяшки сверху!

– Семь. А то порчу нашлю.

На ходу натягивая плащ и засовывая монетки в кошель, я вывалилась из душевой избы. Не успела сделать и пяти шагов, как на крыльцо вывалился голова, потрясая дощечкой.

– Ведьма!!! – рев промчался над сонной деревней, вспугнув стаю воробьев. Я оглянулась.

– Чего?

– Ты мне наговор обещала! – побагровевший мужик тяжело сбегал со ступеней и сунул мне под нос дощечку. – А это что?!

– Это самый надежный наговор. Каждый раз перед едой перечитывай, – наказала я и закинула сумки на спину флегматичному свину. – Смотри, Свиныч, какие люди бывают злые и жадные, прям как ты... пока человеком был. А, с монстром вашим я поговорю. Бесплатно.

Свин затрусил к распахнутым воротам, я побрела следом, предаваясь сладким мечтам о бане. Ну, или хотя бы об озере.

Голова остался во дворе, поскрипывая зубами. Несчастная восковая дощечка ходуном ходила в толстых пальцах.

На ней моим шилом было крупно нацарапано: «Не жрать! Ведьма».

До озера мы добрались минут за десять. Сонно жужжали пчелы, расслабленно скользя над источающими сладкие ароматы цветами. Берег зарос осокой, только небольшой деревянный настил выдавался на два метра вглубь озера, нависая над зеленоватыми водами.

По неподвижной глади плыли отраженные облака и утонувшие насекомые. Пахло тиной.

С трудом выгнав свина из прибрежного ила, я вытащила из сумок тонкую костяную дудочку, подула. Дудочка безмолствовала.

Осмотр на просвет обнаружил внутри ссохшуюся до полной неузнаваемости косточку.

– Нечего было косточками в индюков плевать, – проворчала я, потрясая дудку. Та наконец вывалилось.

Оглядев инструмент с повышенным вниманием, я вдохнула поглубже и пронзительно загудела.

Тонкая резная дудочка издавала густой и низкий звук, расплывающийся по воде как разлитое варенье по столу. Несколько секунд я прислушивалась, однако вода осталась неподвижна.

– Зараза! Не хочешь по-хорошему... – я сняла сапоги и со вздохом облегчения уселась на край настила, опустив ноги в прохладную воду. Отставленная в сторону обувь пахла чудовищно, даже трудолюбивые стрекозки, наверняка лишенные обоняния, меняли траекторию, огибая ядовитое препятствие.

Вода забурлила в паре метров от моих ног. Лопнул, поднявшись, крупный пузырь, являя заспанное зеленоватое лицо.

– Ошалела совсем? – визгливо спросила русалка, протирая заспанные очи. – То коровы гадят, то ты тут, со своими...ногами!

– Чем тебе мои ноги не нравятся? – обиделась я. – Надо было на дудку вылезать.

– Откуда я знаю, кто тут гудит?! – огрызнулась зеленовласая дева озера и с хрустом зевнула. – Чего хотела-то? Дудка-то у тебя правильная, а дерево – не то.

– Как не то? – поразилась я. – Ясень же?

– Сама ты ясень. Делать-то из ивы надо, – постучала русалка указательным пальцем по лбу. – Из ясеня только на домовых манок да на банных...

Я оглядела дудочку. Ну, в крайнем случае буду дальше косточки плевать.

– Ты куда белее дела? – спросила я, запихивая инструмент в карман. Русалка скривилась.

– А куда его девать, вон оно, – она кивнула на серый склизкий ком под мостками. – Нужно оно мне больно...

– Так а сперла зачем? – допытывалась я. Дева нырнула, оставив на поверхности только глаза и островок зеленых волос. Просидела минутку, снова всплыла.

– А покурить у тебя не найдется, ведьма? – вкрадчиво спросила она. Я сморщилась.

– Я же ведьма. Есть, конечно...

За полминуты скрутив сушеный лист в тонкую трубочку, я запалила один конец и протянула русалке. Та, зажав самокрутку между мокрых пальцев, с блаженным выражением лица втянула дым.

– Вот нет чтоб табак носить, – протянула она, не открывая глаз. – Да не хотела я белее это воровать. Повалился тут ко мне один, у кузнеца работает. Мальчик молодой, волосы льняные, краси-и-ивый... увидел раз, говорит – никогда такой, как ты, не видел!

Русалка кокетливо заулыбалась и плеснула хвостом с трачеными плавниками, едва не загасив курево.

– Ходил, ходил... цветы носил, а раз репу принес. Хороший парень. А тут пришли бабы, я глядь – штаны его полощут! Ну я выглянула тихонько, а там девчонка его тряпки стирает. Такая, знаешь, толстая, щеки красные, – дева от обиды хлопнула носом. – Ну я и не сдержалась... ее притопить хотела, да куда там – весу в ней...

Я сочувственно покивала и стянула рубашку. Русалка русалкой, а когда еще постираться получится?

Огонь весело потрескивал, поддурманивая нанизанные на прутик кусочки мяса. Тени обступили костер, искры взлетали прямо к звездному небу. Свин дрых, развалившись на боку, я же, подстелив плащ прямо на землю, смотрела в огонь и то дремала, то проваливалась в воспоминания.

...три медяшки и крошечная плошка с зельем. Ровно столько отдала старая Грая, ведьма из Двуречья, по случаю прикупив собственую девчонку. Я даже не спрашивала, где та деревня.

В тот год мор шел такой, что деревни сжигали целиком – и вывозить было некого. Даже ведьмы, плюнув на все свои распри и нелюдность, шли по городам и селам, пытаясь хоть как-то помочь. Сил и знаний хватало, чтобы сварить толковое зелье, только вот времени было в обрез.

Мать, видать, заболела, да и вряд ли я была единственный ртом в семье. Отдала – и глазом не моргнула, благодаря за спасение; после я тряслась на осле Граи, вытирая сопли худым рукавом. Я не помнила, но она любила удариться в воспоминания, усадив меня за самую маетную работу – обрывать сушеные лепестки, не повредив, или перемывать все пузырьки от протухших зелий.

Словно наяву увидела я в языках пламени горбоносый гордый профиль, низко нависшие полуседые брови и отчаянно-мальчишеский, дерзкий блеск аметистовых глаз.

– Так просто порчу не наложить, – пронзительный, звонкий голос раздался в ушах как вживую. – Тут дело тонкое. Мы не палачи по заказу, однако! Иногда порча дело хорошее, а то и прибыльное. Не можем мы взять да и проклясть. Вот придет баба к тебе, голосит, волосы рвет, уйми, говорит, мужа, чтобы не гулял направо да налево, вся деревня надо мной смеется! А ты пришла – мужик как мужик, и рука не поднимется. А ты похитрее. Покрутись вокруг, поулыбайся зазывно, оденься как... баба нормальная... хвать он тебя в темном углу, сопит, слюни пускает – тут-то тебя и примет. Бей ему проклятьем своим промеж глаз, хорошее выйдет, крепкое. А без личной неприязни какая там магия? Чушь одна!

Костер стрельнул снопом искр. Я очнулась и протянула руку, снимая палочку с куском курятины.

Хорошая курица, жирненькая. Надо было сразу еду мне предлагать, а не торговаться как скот распоследний.